

МЕХАНИКА — РИСКОВАННОЕ И АЗАРТНОЕ ДЕЛО ЖЕРОМ ЛАМБЕР, ГЛАВА JAEGER-LECOULTRE

duometre a quantieme lunaire

Эти часы представляют развитие замечательно-го концепта «двойного крыла» Dual-Wing. Еще первая модель этого типа — Duometre a Chronographe — стала одной из самых сложных и красивых моделей, основанных на принципе двух отдельных барабанов завода. Благодаря этому, у модуля усложнений (индикатора фазы Луны) и у базового механизма есть свой собственный запас энергии. Мануфактурный механизм JLC 381 помещен в круглый корпус из желтого или розового золота диаметром 42 мм. Серия в желтом золоте лимитирована 300 экземплярами, в розовом золоте — не лимитирована.

В часовой механике даже современные компьютеры не могут гарантировать успеха

Жером Ламбер командует самым что ни на есть мануфактурным подразделением группы Richemont — старинной маркой Jaeger-LeCoultre. Эти великие часовщики за время существования марки разработали больше механизмов, чем у десятка соседей. Все сложности последних лет, прошедшие и грядущие кризисы, как считает Ламбер, марке не угрожают, все в ее руках, он помнит фразу отца-основателя марки Антуана ЛеКультра: «Хочешь сделать хорошо — сделай сам».

— Часовщикам опять угрожают мировым кризисом.

— Что делать, это капиталистическая экономика, и каждые пять лет у нее расстройство желудка. В конце концов это путь к очищению. Еще недавно все были готовы делать свои часы, обувщики, производители одежды, да кто угодно. Всем казалось, а почему бы не сделать еще и часы? Вот им может быть тяжело. А мы проходим сквозь сложности, не замечая их. Люди часто обезьяничают и делают то, что делают другие, пытаются схватить эту формулу успеха, но когда ударяет по голове кризисом, каждый возвращается к тому, что он умеет делать лучше всего, потому что клиенты хотят получить именно то, что более свойственно марке.

— А что свойственно Jaeger-LeCoultre?

— Механизмы. Мы великие механики. Антуан ЛеКультр обогнал на сто лет всю промышленность своего времени. Мы поставляли механизмы для Cartier для Piaget, для всех. Мы — это я говорю фигурально, а то вы решите, что мне за 170, — разработали более 1,2 тыс. механизмов. Мы постоянно занимались изобретениями самых сложных калибров, самых точных, самых удивительных механизмов, как наш Atmos, самых миниатюрных, как наш 101-й калибр, — это и позволяет нам изобретать новые механизмы и даже новые принципы часов, как в наших Extreme LAB.

— Но все марки сейчас разрабатывают собственные калибры, ссылаясь на сложности с заводами ETA, которые прекращают поставки комплектов деталей для механизмов.

— ETA продолжает выпускать качественные механизмы, которые работают в 2/3 швейцарских часов. И не собирается останавливать поставки. Они не согласны продавать механизмы-полуфабрикаты, которые нужны тем маркам, которые стараются из ничего сделать собственный калибр.

— Считается, что свой калибр — признак зрелости марки.

— Гонка за собственными механизмами — дело опасное. На последнем базельском салоне многие марки представляли базовые заурядные механизмы, далеко не всегда лучшие, чем механизмы ETA. Зачем? Чтобы показать, что они поднялись в ранг часовщиков? Это безответственность. Это даже авантюра. Надо купить машины. Нужен персонал, новый, обученный. Это огромные средства, которые потом оседают на вашем балансе. Механизмы же надо поддерживать. Даже когда вы закончите их производить, у вас все равно сохраняется ответственность за произведенные часы, если вы не собираетесь сбежать от покупателей на необитаемый остров. Например, мы

до сих пор способны поддерживать жизнь едва ли не любого из механизмов, выпущенных нашей мануфактурой с середины XIX века.

— У вас другая крайность: вы гордитесь, что в Jaeger-LeCoultre произведено более 1 тысячи калибров. Я не забуду стену в вашем фабричном музее. Зачем это? Как будто вы открываете свой шкаф и видите там три сотни галстуков.

— Хорошее сравнение. Если вы носите и любите галстуки, вы тотчас же увидите, какие вы подарите дворнику и какие из них вы не наденете даже под угрозой расстрела. И я скажу вам, что среди наших калибров немногие выпускаются практически без изменений. Те, которые мы постоянно используем, их около сотни. Другие не рассчитаны на большие серии — это механизмы для великих усложнений, они производятся в количестве ста штук, не больше. Но если вы говорите о музее, я не хотел бы превратить Jaeger-LeCoultre в музей часового мастерства. Механика — рискованное и азартное дело. Тут даже компьютеры не гарантируют успеха. Всегда есть место гению, наши машины нельзя сделать как повторение пройденного. Это каждый раз не правило, а исключение. Даже приключение. Это вызов. Когда сверхдержавы запускают ракеты к Луне, они думают не о прибыли, хотя и о прибыли мы обязаны думать.

— Вы работаете для коллекционеров, часовых профессионалов или больше для любителей?

— Мы работаем для той категории клиентов, которую я бы назвал знатоками. Они необязательно коллекционируют часы, но они по-настоящему их любят и разбираются в них. Если вы разговоритесь с людьми, которые носят наши часы, вы убедитесь, что это подкованные люди, которые сделали свой выбор сознательно. Их вела, возможно, любовь к конкретной модели, у нас достаточно разнообразные модели, но в основе — доверие к Jaeger-LeCoultre, которая, по искреннему моему убеждению, не такая марка, как другие.

Беседовал Алексей Тарханов